

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

А. В. Уткин

ЭЛЛЕН КЕЙ: ИДЕЯ СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА

УДК 37(092)

ББК 74.03.(4шве)-218Кей Э.

Реформаторская педагогика, возникшая как реакция на глобальные изменения общества на рубеже XIX–XX веков, представляет собой направление в педагогической теории и практике, появившееся в различных странах Европы и Соединенных Штатах. Ее представители провозгласили необходимость кардинальной реформы существующих систем образования и реализации новых принципов обучения и воспитания. Одним из ярких идейных вдохновителей «свободного воспитания» стала шведский педагог-гуманист, публицист и литературный критик, лидер женского движения, мыслитель и общественный деятель Эллен Кей.

Ключевые слова: обновление школы; реформаторская педагогика; педагогические взгляды Эллен Кей; свободное воспитание.

A. V. Utkin

ELLEN KAY: THE IDEA OF A HAPPY CHILDHOOD

Reform pedagogy, which emerged as a reaction to global changes in society at the turn of the XIX-XX centuries, is a trend in pedagogical theory and practice, manifested in various countries of Europe and the United States. Its representatives proclaimed the need for fundamental reform of existing education systems and the implementation of new principles of education and upbringing. One of the bright ideological inspirers of “free education” was the Swedish humanist teacher, publicist and literary critic, leader of the women’s movement, thinker and public figure Ellen Kay.

Key words: school renewal; reform pedagogy; Ellen Kay’s pedagogical views; free education.

На рубеже XIX—XX веков в мировой школе и педагогике происходили существенные изменения. Все уровни системы образования подверглись острой критике, а школа воспринималась как устаревшая, не соответствовавшая уровню производства, науки и культуры, не отвечающая потребностям подрастающего поколения, которое нуждалось в качественно иной подготовке к жизни. В ведущих странах мира потребность в обновлении школы и педагогической науки превратилась в актуальную проблему перестройки образования. Реформаторская педагогика, провозгласив ценность индивидуальности каждого ученика, апробируя новые подходы и связанные с ними методы обучения и воспитания, возникла как альтернатива существующим педагогическим традициям. В концептуальном оформлении идей свободного воспитания научно-публицистическая и общественно-педагогическая деятельность Элен Кей не только стала основой педагогической теории и практики XX столетия, но отразила особенности социального времени той эпохи¹.

Элен Кей родилась 11 декабря в небольшом городке Сундхольм южной Швеции в 1849 году. Ее отец Эмиль Кей, был депутатом парламента, одним из основателей партии землевладельцев, известным политиком, увлекающимся журналистикой. Мать,

София Поссе, происходила из землевладельческой аристократии провинции Смоланд. Элен была старшей из шестерых детей. Как отмечают биографы, мать никогда не ласкала своих детей, и Э. Кей часто вспоминала о суровых наказаниях, которым в детстве подвергались ее братья. Однако она как старший ребенок получила в семье известную степень свободы, а родители, имея великолепную по тем временам библиотеку, обеспечили своих первенцев хорошими книгами². Образование юная Элен Кей получала дома. Большинству дисциплин ее обучала мать, а иностранному языку — в разные периоды времени — наемные гувернантки: шведка, англичанка и француженка.

Осенью 1864 года и весной 1865 года Элен посещала частную в школу в Ахлинске (Ehlninsk), учеба в которой не только оказала существенное влияние на формирование христианских взглядов девочки-подростка, но и привила устойчивое отвращение к организованной системе обучения. Много читающая и интересующаяся самыми разными сферами науки, литературы и философии, Элен не только стала учителем для своих младших братьев и сестер, но и организовала маленькую школу для прислуги и батраков и преподавала им историю, историю литературы, естественные науки и другие предметы. Элен Кей организовала

¹ Уткин А. В. Понятие «социальное время» как инструмент историко-педагогического исследования // Психолого-педагогический поиск, 2019. № 3. С. 51–60.

² Элен Кей Ки. Шведский биографический словарь. Режим доступа: URL: <https://sok.giksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11453>

также библиотеку, где ее подопечные могли бы брать на время книги, которые она закупила на свои личные сбережения¹. Сохранились списки книг, которые Эллис читала; окружающие были удивлены, как быстро она ориентировалась во всей новой литературе².

Когда Эллис исполнилось двадцать, ее отец был избран в Риксдаг, и семья переехала в Стокгольм. В 1870-е годы Э. Кей служила секретарем своего отца, помогая ему в парламентской работе. Эта работа позволила ей не только войти в круг актуальных проблем, решаемых партией ее отца в постоянной борьбе с политическими оппонентами, но и познакомиться с лидерами женского движения в стране.

В течение ряда лет, посещая различные курсы и интересуясь множеством вопросов, связанных с религиозным воспитанием, этическим оформлением христианства, критикой христианского догматизма, образованием; принимая участие в текущих обсуждениях принципа свободы вероисповедания в парламенте, Э. Кей яростно атаковала невыносимую «церковную веру», слушала «Философские лекции для женщин» Понта Викнера в доме Фредрики Лимнелл (Лиран), посвятила серьезное исследование философии Бострома. В 1874 году она отправилась в Данию, где преподавала в народных институтах для мало-

обеспеченных деревенских жителей.

В 1880 году Эллис Кей соглашается на должность учительницы в частной школе для девочек в Стокгольме, которой руководила ее подруга и единомышленница Анна Уитлок. Школа считалась экспериментальной, в ней всячески старались поощрять самостоятельность учеников и апробировали новые педагогические идеи того времени. Эллис Кей проработала в этой школе почти двадцать лет, и именно здесь она проверила на практике многие идеи и методы преподавания, описанные позднее в «Веке ребенка».

Начиная с осени 1883 года, она также проводила еженедельные лекции по литературе и культуре, истории, этике в Институте трудящихся в Стокгольме — скромно оплачиваемую, в основном некоммерческую деятельность, которую она продолжала до 1903 года, причем число слушателей постоянно увеличивалось: ее лекции были чрезвычайно популярны у широкой аудитории.

В России активная общественная и публицистическая деятельность Э. Кей также не осталась без внимания — историко-литературный журнал «Исторический вестник» (1913) ссылаясь на мнение итальянца, приверженца идей Э. Кей Сципио Сигеле, характеризует Э. Кей как «крупную интеллектуальную представительницу

¹ Цит. По Михайлова М. В. Педагогические идеи Эллис Кей и их реализация в современном образовании: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Чебоксары, 2006. 24 с.

² Эллис Кей Ки. Шведский биографический словарь. Режим доступа: URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11453>

феминизма». Этот период деятельности Э. Кей автор обзорной статьи обозначает следующим образом: «В 1880 году она была назначена учительницей одной Стокгольмской школы и высказала большие педагогические способности. Но в 1883 году, когда ее пригласили в институт доктора Нюстрема, в ней открылся новый талант — ораторский. С тех пор ее оспаривали друг у друга шведы, датчане, норвежцы и финляндцы. Ее гармонические слова... воспламеняли слушателей, говорила ли она об искусстве, или о серьезных задачах воспитания»¹.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона достаточно скупно характеризует Э. Кей как «известную современную шведскую писательницу..., которая, впадая иногда в крайности, заставляет пересмотреть некоторые вопросы заново и будит работу мысли. В литературной своей деятельности она касалась вопросов о правах и обязанностях женщины, о женском труде, о взаимных отношениях старого и молодого поколения, о материнском чувстве, о взаимодействии личности и общества. Не примыкая ни к какой определенной группе или партии, она всегда стремилась идти своим особым путем»².

Как у многих выдающихся педагогов и деятелей образования того времени, ее первые книги в значительной степени состояли из переработанных докладов и лекций, прочитанных в Институте трудящихся. Э. Кей никогда не отпускало наследие восьмидесятых годов оставшихся в ее памяти чувствами справедливости, оппозиции и критики, но, как отмечают исследователи, «она быстро оказалась в новом, более эстетически ориентированном климате девяностых, в связи с этим она пересмотрела свой стиль как эссеист; она стала риторически богаче, доведя до совершенства свое речевое искусство и согласно многим свидетельствам, обладала большой силой внушения»³.

Среди ее педагогических работ наибольшую известность получила книга «Век ребенка» (1899) (1905 год — первое издание на русском языке), вызвавшая огромный интерес во всем мире и переведенная практически на все европейские языки. Заглавие для своей книги Элен Кей заимствовала из текста драмы Гаральда Готе (псевдоним женщины) «Отпрыск льва», в которой один из героев таким образом обозначил век будущий (XX) в противовес столетию настоящему (XIX) — веку женщины⁴.

¹ Б. А. Женщины и любовь в сочинениях Элен Кей / Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. СXXXIII. Тип. Т-ва Л. С. Суворова «Новое время», 1913. С. 355.

² Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. Режим доступа: URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/

³ Элен Кей Ки. Шведский биографический словарь. Режим доступа: URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11453>

⁴ Суворкина Е. Н. «Век ребенка» в век ребенка: культурологическая концепция Э. Кей. КиберЛенинка. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vek-rebenka-v-vek-rebenka-kulturologicheskaya-kontseptsiya-e-key/viewer>

Как отмечает М. В. Михайлова, педагогические взгляды Э. Кей формировались в значительной степени под воздействием философии позитивизма, — наиболее влиятельного на тот момент в развитых европейских странах интеллектуального направления: «по своей сути «Век ребенка» Эллен Кей является экстраполяцией отдельных положений книги Герберта Спенсера «О воспитании в интеллектуальном, моральном и психическом отношениях» на проблемы воспитания детей. Она познакомилась с этой книгой в 1870 году в датском переводе, поскольку перевод на шведский язык был осуществлен только в 1883 году. Сама Эллен Кей не только не отрицает этого, но и, наоборот, подчеркивает значение этой работы. Многие страницы «Века ребенка», особенно из главы «О воспитании», являются своего рода комментариями к труду Спенсера, объяснением его позиций, содержат настоятельные рекомендации родителям следовать постулатам, им изложенным, и подробно разъясняет читателю, почему она считает их верными»¹.

В этой книге Э. Кей выдвинула главный лозунг педоцентристской революции: «Исходя из ребенка!» (*Vom Kinde aus*)². Будучи сторонницей демократизации общественной жизни,

она связывает общественный прогресс не столько с ростом материального производства и совершенствованием социальных структур и институтов, сколько с изменениями отношения к человеку, самой человеческой природе. «Изменение это, — подчеркивала она, — произойдет тогда и только тогда, — когда во всем человечестве пробудится сознание “святости будущего поколения”». Это пробудившееся сознание, по мнению Э. Кей, поведет к тому, что «новое “поколение”, его происхождение, забота об его воспитании сделается не только главными, центральными задачами общественной жизни, вокруг которых будут группироваться нравы, законы, учреждения, но они сделаются исходной точкой зрения, с которой будут рассматриваться все другие вопросы и приниматься решения»³. Цель будущего, по ее мнению, — в создании внешне и внутренне прекрасного мира, в котором ребенок мог бы свободно развиваться.

Опираясь на идеи Ж.-Ж. Руссо и теорию свободного воспитания Л. Н. Толстого, Э. Кей считала необходимым предоставлять природе ребенка свободу, следить, чтобы окружающие обстоятельства и обстановка поддерживали работу природы. Она утверждала, что великая тайна вос-

¹ Михайлова М. В. Педагогические идеи Эллен Кей и их реализация в современном образовании: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 Чебоксары, 2006. 24 с. С. 7.

² Дайте жить детям / Сост. Г. Б. Корнетов. М.: ООО Издательский дом «Карапуз», 2010. 256 с. С. 96.

³ Цит по: Век ребенка. Кей Э. Режим доступа: URL: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/2618445/>

питания состоит в том, чтобы предоставить природе ребенка «спокойно и медленно помогать самой себе». Ведущими принципами свободного воспитания провозглашались: вера педагога в творческие способности ребенка; убежденность, что любое внешнее влияние на его творческий потенциал оказывает тормозящее действие; приобретение ребенком собственного опыта, лишь благодаря которому происходит полноценное развитие личности; стимулирование активного отношения к жизни, культуре и потребности в самообразовании и самовоспитании; трактовка школы как живого, непрерывно развивающегося организма; понимание роли педагога как старшего товарища; организация жизни детского коллектива на основе самоуправления¹.

Провозгласив заботу о воспитании подрастающего поколений важнейшей общественной задачей, Э. Кей решительно выступила против господствующей в то время педагогической традиции, которая, как считала она, калечила детей, мешала реализации их природного потенциала. Э. Кей ставит личность ребенка в центр педагогического процесса, закладывая основы принципиально иного отношения школы и педагога к ребенку как ценности. Школа, по мнению Эллен, может лишь предлагать себя в качес-

тве воспитателя, но ни в коей мере не должна навязывать себя. Основным же источником воспитания Кей предлагала считать домашнее, материнское воспитание. Эта идея настолько сильно захватывала ее, что она открыто признавалась, что хотела бы видеть детские сады и вообще все дошкольные детские учреждения упраздненными².

Э. Кей призывала общественность к борьбе за признание социальной важности материнских функций и одной из наиболее актуальных задач современного общества считала создание нового поколения образованных матерей, способных уберечь своих детей от обезличивающего воздействия общественного воспитания. Мечтая об идеальной семье, где мать будет иметь возможность не менее 12 лет посвящать себя воспитанию ребенка, она была уверена, что только домашнее воспитание дает простор развитию индивидуальности ребенка: «Задачей будущего является воспитание нового поколения матерей, которое освободит, между прочим, от системы детских садов. Обращаясь с детьми уже в возрасте 2–3 лет, как со стадом, заставляя их двигаться по команде, работать по одному плану, выполнять одинаковые, мелочные, бессмысленные, бесполезные работы, воображают, что воспитывают людей,

¹ Эллен Кей. Режим доступа: URL: <https://helperia.ru/a/ehllen-kej>

² Андреева С. 5 женщин-педагогов, изменивших мир. Режим доступа: URL: <https://www.edunco.ru/5-zhenshin-pedagogov-izmenivshix-mir/>

а на деле дрессируют пешек!.. А система детских садов служит наилучшим средством воспитания поверхностных дилетантов и людей, в которых глубоко въелась стадность»¹.

Примечательно то, что критическая позиция Э. Кей обсуждалась делегатами Всероссийского съезда по семейному воспитанию, проходившего с 30 декабря 1912 г. по 6 января 1913 г. в Петербурге. При обсуждении вопроса о воспитании детей дошкольного возраста наметилась ярко выраженная тенденция идеализации семейного воспитания детей и его противопоставления общественному воспитанию, якобы совсем не пригодному для детей дошкольного возраста. Это побудило Н. К. Крупскую провести анализ книги Элен Кей, который был оформлен статьей, впервые напечатанной в журнале «Свободное воспитание» № 1 за 1913–1914 гг. Направляя статью в редакцию журнала, Н. К. Крупская писала: «Посылаю статейку «Семья и школа». Может, она будет своевременна в связи с происходящим в Питере съездом по семейному воспитанию. Только тут и достала, и прочла целиком «Век ребенка». Эта книга произвела на меня не то впечатление, которого я ожидала. Много, очень много верных и тонких замечаний, но ужасно много парадоксального»².

Соглашаясь с критической оценкой Э. Кей современной школы, Н. К. Крупская обращает внимание не на проблему, а на способы ее решения (методологию): «критикуя теперешние детские сады и школы, Элен Кей мечтает не о том, чтобы заменить теперешние плохие школы хорошими, она хочет заменить их семьей. Но не теперешней семьей. О! Элен Кей слишком хорошо знает, что из себя представляет современная семья с педагогической точки зрения. Об этом она много рассказывает в своей книге. Она хочет заменить школьное воспитание воспитанием в семье идеальной, семье будущего, где мать будет в состоянии в течение 12 лет посвящать себя исключительно ребенку, где она будет обладать необходимой подготовкой, нужной выдержкой и пр. и пр. Тут Элен Кей делает методологическую ошибку. Если сравнивать семью и школу, то надо сравнивать теперешнюю реальную школу с теперешней реальной семьей или же школу будущую, такую, как она должна быть, с семьей будущего. И сделанная методологическая ошибка дает себя чувствовать во время всего хода рассуждения, совершенно искажая всю перспективу»³.

Выступая с критикой современной ей школы и характеризуя этот

¹ Цит. по: *Крупская Н. К.* Автобиографические статьи. Дореволюционные работы 1899–1917. М.: Директ-Медиа, 2014. 450 с. С 182–183.

² *Крупская Н. К.* Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. М.: АПН РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. Подготовка текста и примечания Ф. С. Озерской. Т. 1. 156 с. С. 151.

³ Там же. С. 64.

социальный институт не иначе как «губительница душ», Э. Кей видела цель школьного образования в общем развитии ребенка, формировании пытливого, исследовательского отношения к миру, умения наблюдать и изучать его, применять знания на деле. Непременными чертами школы будущего она считала глубокую индивидуализацию обучения; раннюю специализацию для детей с ярко выраженными индивидуальными наклонностями; самостоятельность детей как основу работы школы; связь с жизненным опытом детей. Она высказывалась за разнообразие форм и методов учебной работы, сокращение обязательных занятий до минимума, введение 5-дневной учебной недели¹.

В России одним из тех, кто высоко оценил новаторство и глубину идей Эллис Кей, был идеолог свободного воспитания К. Н. Вентцель, главная идея которого заключалась в освобождении общества через освобож-

дение ребенка посредством предоставления ему возможности свободно развиваться и самореализовываться с самого раннего возраста.

Деятельность Эллис Кей способствовала проникновению в педагогику идей педоцентризма, именно поэтому в мировой истории педагогики она стала одной из идейных вдохновительниц «свободного воспитания» — влиятельного педагогического течения начала XX столетия. Многие из педагогов-реформаторов и философов образования рубежа XIX–XX веков (Сессиль Редди, Джон Бэдли, Александр Нейлл, Герман Литц, Густав Виникен, Адольф Ферьер, Овид Декроли, Мария Монтессори, Стенли Холл, Джон Дьюи и др.) так или иначе отмечали влияние, которое оказала на формирование их взглядов книга Эллис Кей, ставшая признанным манифестом новой гуманистически ориентированной педагогики XX столетия.

---

¹ *Кларин М. В.* Кей Эллис Каролина Софья. Российская педагогическая энциклопедия. Режим доступа: URL: <https://pedagogicheskaya.academic.ru/2439>

Список литературы

1. Андреева, С. 5 женщин-педагогов, изменивших мир / С. Андреева. Режим доступа: URL: <https://www.eduneo.ru/5-zhenshin-pedagogov-izmenivshix-mir/>
2. Б. А. Женщины и любовь в сочинениях Эллен Кей / А. Б. // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. СXXXIII. Тип. Т-ва Л. С. Суворова — «Новое время», 1913. — С. 355.
3. Век ребенка. Кей Э. Режим доступа: URL: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/2618445/>
4. Дайте жить детям / Сост. Г. Б. Корнетов. — М. : ООО Издательский дом «Карапуз», 2010. — 256 с.
5. Кларин, М. В. Кей Эллен Каролина Софья. / М. В. Кларин // Российская педагогическая энциклопедия. Режим доступа: URL: <https://pedagogicheskaya.academic.ru/2439>
6. Крупская, Н. К. Автобиографические статьи. Дореволюционные работы 1899—1917 / Н. К. Крупская. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 450 с.
7. Михайлова, М. В. Педагогические идеи Эллен Кей и их реализация в современном образовании: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / М. В. Михайлова. — Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2006. — 24 с.
8. Романов, А. А. Опыт-экспериментальная педагогика первой трети XX века / А. А. Романов. — М. : Школа, 1997. — 303 с.
9. Суворкина, Е. Н. «Век ребенка» в век ребенка: культурологическая концепция Э. Кей. / Е. Н. Суворкина // КиберЛенинка. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vek-rebenka-v-vek-rebenka-kulturologicheskaya-kontseptsiya-e-key/viewer>
10. Уткин, А. В. Понятие «социальное время» как инструмент историко-педагогического исследования / А. В. Уткин // Психолого-педагогический поиск. — 2019. — № 3. — С. 51—60.
11. Эллен Кей Ки. Шведский биографический словарь. Режим доступа: URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11453>
12. Эллен Кей. Режим доступа: URL: <https://helperia.ru/a/ehllen-kej>
13. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — С.-Пб. : Брокгауз-Ефрон, 1890—1907. Режим доступа: URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/

Эллен Кей

ВЕК РЕБЕНКА¹ ВОСПИТАНИЕ

<...> Воспитывать ребенка – это значит постоянно носить свою обнаженную душу в своих руках, постоянно идти узкой и опасной тропой. Это значит употреблять все усилия к тому, чтобы избежать опасности или возможности увидеть во взгляде ребенка выражение холода, которое нам без слов говорит, что ребенок находит нас неудовлетворяющими его, непонятными ему. Воспитывать, значит смиренно сознаваться самому себе, что возможностей причинить вред ребенку тьма, а принести пользу – весьма немного. Как редко воспитатель вспоминает о том, что ребенок четырех-пяти лет прекрасно постигает и угадывает взрослых, с необычайной проникательностью производит им оценку, с особенной чуткостью и чувствительностью реагирует на каждое впечатление. Малейшая неосторожность и неделикатность, самое незначительное недоверие, самая легкая насмешка могут оставить на всю жизнь неизгладимые следы, жгучие раны в нежной, отзывчиво чувствительной душе ребенка, тогда как неожиданная доброта, ласка, приветливость, внимание, справедливый гнев запечатлеваются в памяти ребенка, затрагивают все важные струны его сердца, которое считают мягким, как воск, но с которым обращаются так, будто оно из бычьей кожи.

Старинное воспитание, которое, по словам Андре, стремится к тому, чтобы ребенок был «чистым, честным, целым и невредимым», было, пожалуй, относительно лучше, чем наше современное, потому что, если оно и не воспитывало ребенка, то, по крайней мере, не уродовало его личности. Одной сотой части всех стараний современных родителей вполне достаточно для вмешательства и вторжения в жизнь ребенка; остальные девяносто девять следовало бы употребить на то, чтобы направлять ребенка, не посягая на свободу его действий, а оставаясь в роли невидимого провидения, которое должно способствовать приобретению детьми опыта, но только с условием, чтобы детям было позволено выводить из этого опыта свои собственные заключения. Теперь путем постоянного вмешательства и беспрестанного исправления действий ребенка как бы стараются отчеканить на ребенке свои собственные мнения, свои принципы и свой собственный опыт. Только тогда, когда уже позд-

¹ Кей Э. Век ребенка / Пер. с нем. М., 1910. С. 93–115.

но, когда воспитание уже искалечило, изломало ребенка, постигают, наконец, воспитатели, что перед ними была действительно совершенно новая душа, со своим собственным индивидуальным «Я», самое важное и главное право которого – самому думать, воспринимать и размышлять о предметах, встречающихся на его жизненном пути. Воспитатель полагает, что эта новая душа просто «новое издание» старого человечества, и у него уже наготове старые мерки и старые колодки, к которым он прямо и решительно пригоняет эту новую душу. И вот эту новую душу обучают не красть, не лгать, не рвать и не пачкать одежды, заставляют учить уроки, беречь копейку, слушаться приказаний, не противоречить старшим, читать молитвы и, время от времени, возиться, бороться, даже драться, – и все это для того, чтобы сделаться дельным человеком... Прекрасно! А кто же научит эту новую душу самостоятельно избирать тот путь, по которому она должна в последствии идти? Тот, кто понимает или чувствует, что желание ребенка идти своим собственным самостоятельным путем может быть таким сильным, таким страстным, что подобная строгая дрессировка или прилаживание к шаблонным меркам превратит все детство, которое обыкновенно считают и которое в действительности должно быть самым радостным и самым счастливым временем, в тайную, но тем более мучительную пытку.

Ребенок появляется на свет с унаследованными от предыдущих поколений свойствами, и эти-то свойства его стараются изменить путем приспособления к окружающему. Но иногда ребенок представляет и индивидуальные отклонения от родового типа. И если не хотят, чтобы эти индивидуальные отклонения исчезли от такой приспособляемости к окружающему, то следует всеми способами поощрять и развивать проявления самобытной индивидуальной силы.

Вмешательства современных воспитателей в суровой или нежной форме предупреждают или отклоняют все последствия, вместо того чтобы предоставить им действовать во всей их последовательности и строгости в тех случаях, когда они не могут причинить ребенку непоправимого вреда.

Привычки дома и все зависящие от домашних условий привычки ребенка должны быть такими же непоколебимыми, как и законы природы, если только эти привычки имеют какое-нибудь действительно важное значение для жизни всего дома. <...>

Почему все из века в век, в сущности, остается неизменным? Почему «высоко цивилизованные» христианские народы продолжают грабить друг друга и называют это «обменом»; прибегают к массовым убийствам – и называют это «национализмом»; угнетают и порабащают друг друга – и называют это «государственным правом или искусством»?

Все это происходит потому, что в каждом новом поколении все инстинкты, которые предполагаются искорененными в ребенке воспитанием, вновь пробиваются наружу во взрослом, как только – для каждого индивида в общественной жизни, а для общества в жизни государственной – начинается борьба за существование. Все эти инстинкты не изменяются и не перерабатываются современным воспитанием, а только подавляются. По этой-то причине не найдется ни одной страсти дикаря, которая бы действительно была искоренена в человечестве. Быть может, людоедство? Но рассказы, например, об европейских судебных командах, о сибирских преступниках доказывают, что даже этот инстинкт, при благоприятных для него условиях, может, не смотря даже на врожденное, физическое отвращение большинства людей к людоедству, вновь проявиться. Сознательное кровосмешение, не смотря на случайные отступления, для большинства людей прямо физически противно; целомудренная стыдливость и полное единение души и тела в вопросах любви для многих женщин просто непоколебимая ничем природная потребность. Наконец, для меньшинства людей «физически невозможно» убивать или красть.

Этим я, вероятно, исчерпала все, что человечество в течение своей сознательной истории усвоило настолько, что оно перешло «в плоть и кровь» его. И только это действительно может устоять перед всякой формой искушения!

Глубокая психологическая истина скрывается под часто употребляемым выражением «разнузданные страсти»: благодаря ныне господствующей системе воспитания страсти действительно уподобляются посаженным в клетку хищным зверям.

Все постоянно произносят красивые фразы об индивидуальном развитии, а между тем с детьми обращаются так, как будто они не абсолютная цель, а только предмет радости и гордости родителей и условие личного родительского удобства и благополучия. Так как это легче всего достигается, когда дети становятся такими, как «все другие», то родители и воспитатели стремятся возможно скорее и раньше сделать из них благоприличных и пригодных членов общества.

А между тем единственно правильная исходная точка для воспитания из ребенка достойного члена общества – обращаться с ним как с таковым и в тоже время усиливать и укреплять в нем стремление и мужество быть индивидуумом.

Будущий новый воспитатель путем постепенного опыта будет учить ребенка осмысленно понимать свое место в великой цепи бытия и свою ответственность пред окружающим, ни одно из индивидуальных жизненных проявлений ребенка не будет глушаемо воспитателем, если только это проявление не будет приносить вред самому ребенку или другим. Надо стараться найти правиль-

ное равновесие между определением Спенсера, что «жизнь есть приспособление к окружающим обстоятельствам», и определением Ницше, который говорил, что «жизнь есть хотение власти».

Несомненно, в приспособляемости главную роль играет подражание, но и проявление индивидуальной силы и воли также важно, потому что, если благодаря первой жизнь вливается в твердо определенную форму, то второе вводит в нее новое содержание.

Большинство современных мыслителей, как я уже сказала, часто много говорят о «личности», «индивидуальности», а сами приходят в отчаяние, когда их дети не похожи на других, когда у их потомства нет налицо и в полном совершенстве всех добродетелей, которые требуются обществом. И вот они дрессируют своих детей и заставляют их сдерживать свою природу, как будто только для того, чтобы у взрослых эта природа вновь проявилась с новой силой. До сих пор даже и не предугадывают, какими должны быть новые люди, и на нашем устарелом жизненном пути продолжают появляться все те же неизменные старые типы: дельные мальчики, прелестные, наивные девушки, благоприличные, честные чиновники и т. д., и т. д. Редко-редко среди этих прекрасно воспитанных людей появляются новые типы, люди с возвышенными идеалами, путники непроторенных дорог, мыслители новых, не затрепанных идей, люди мужественные, способные на такие преступления, как пробивание новых путей.

Несомненно, природа сама постоянно повторяет основные формы, но всегда с небольшими отступлениями. Таким путем образовалось в природе все богатство видов, между прочим, и человека. Однако сам человек все еще не может или не хочет понять, какое громадное значение имеет этот закон природы для его собственного высшего развития. Он только хочет, чтобы все, признанные всеми за хорошие, чувства, мысли, мнения, решения воспроизводить в каждом новом поколении. Но таким путем не появляются новые индивиды, а только более или менее умные, глупые, добросовестные, безнравственные экземпляры человеческого рода. Продолжающий жить в человеке инстинкт обезьяны удваивает действие закона наследственности, а потому и в человеческом обществе до сего времени консерватизм сильнее, чем стремление вызвать к жизни новые виды. А между тем это последнее и есть самое ценное. Не советовать ребенку подражать во всем другим, а, напротив, радоваться должен воспитатель, когда замечает в ребенке индивидуальные склонности и проявления. Руководствоваться во всем мнением других, значит подчиняться и их воле, и, таким образом, делаться частицей стадного большинства, которым повелевает, в силу своей властной воли, сверхчеловек, тогда как при иных условиях эта же самая властная воля не могла бы господствовать над известным числом индивидуально разви-

тых личностей. Совершенно верно замечено, что самые эксцентричные народы, вроде английского, достигают и самой широкой политической и социальной свободы. Чувство личной самостоятельности у такого народа далеко превосходит свободу, формулируемую законами, а потому им и удается постепенное расширение сферы законной свободы.

Для прогрессивного движения и преуспевания целого рода и общества существенно необходимо, чтобы воспитание пробуждало чувство самостоятельности, оживляло и поддерживало смелость отступать от общепринятого шаблона, когда это не причинит вреда другим, или в тех случаях, когда индивидуальность не есть только желание обратить на себя общее внимание. Со спокойной совестью предоставить ребенку свободу не подчиняться общепринятым мнениям и обычаям, освободиться от общепринятых чувств – вот главное, так сказать, основное условие для воспитания индивидуальной, а не коллективной совести, единственного рода совести у большинства современных людей. Добровольное подчинение внешним законам, одобренным и испытанным моей собственной совестью, безусловное повиновение не изданному закону, который я сама себе предписала, исследование этому внутреннему закону наперекор всему миру – вот что, по-моему, значит иметь индивидуальную совесть.

Одно из самых частых явлений, сделавшееся до того обычным, что его можно считать почти законным, это то, что и в школе и в семье больше всего преследуются и больше всего наказываются дети оригинальные и выдающиеся по своим способностям. Обыкновенно ни у кого из окружающих недостает чуткости, что бы понять то, что пробуждается и что живет в странном или шумном, замкнуто сдержанном или вспыльчивом ребенке! И в особенности матери и учителя обнаруживают всю свою несостоятельность в понимании и усвоении самого элементарного правила искусства воспитания: «уметь смотреть простыми глазами», а не через призму педагогических доктрин, которым и они себе набивают головы.

Я, конечно, не ожидаю от столпов общества с их условной моралью, чтобы они поняли важное значение упражнения воли и проявления воли ребенка, как не жду я этого и от тех исповедующих христианство людей, которые полагают, что низменной человеческой природе приличествует только раскаяние и смирение и что грешное тело, «это нечистое животное», должно быть укрощаемо розгой. Прекрасная теория! И для поддержания ее они ссылаются на Библию!

Я обращаюсь к тем, которые начинают мыслить новыми мыслями и поэтому должны бы перестать воспитывать по-старому. Однако и эти люди часто говорят, что новые идеи воспитания не

применимы! Ларчик просто открывается: новые мысли не образовали из них новых людей! Старый человек, продолжающий жить в них, не имеет ни времени, ни спокойствия, ни терпения преобразовать и свою собственную душу, и душу ребенка сообразно с новыми идеями. <...>

Сгибаться – вот оно, весьма меткое слово! Согнуть по шаблону старого идеала самоуничужения, смирения и послушания! Но ведь новый идеал в том именно и заключается, чтобы человек стоял прямо и вытягивался во весь свой рост, но ни в каком случае не сгибать, а только слегка поддерживать, чтобы он от слабости не споткнулся.

Часто в сердце современного воспитателя продолжает жить грубое властолюбие, которое при малейшем упрямстве ребенка сейчас же вырывается наружу: «А, ты не хочешь! – говорят отцы и матери, – ну, так я тебе покажу, можешь ли ты иметь свою волю. Я выгоню из тебя твое упрямство!» Но ничего нельзя «выгнать» из ребенка, зато можно вбить в него много такого, что могло бы с успехом миновать его.

Только в первое трехлетие жизни ребенка нужен некоторый род дрессировки, чтобы подготовить почву для высшего воспитания. В эти первые годы своей жизни ребенок живет почти исключительно своими пятью чувствами, так что легкая физическая боль или физическое наслаждение – единственный понятный для него язык и поэтому единственный неизбежный способ приучения некоторых детей к некоторым необходимым привычкам. Для других же детей даже в этой нежной стадии развития не нужны строгие меры, да и вообще, как только ребенок начинает сознавать и помнить удар, он уже вырос из того возраста, когда подобная мера еще допустима.

Ребенок должен, несомненно, научиться послушанию, и даже абсолютному послушанию. Когда подобного рода послушание вошло у него с самого нежного возраста в привычку, тогда достаточно взгляда, изменения голоса, чтобы поддержать это послушание. Но недовольство воспитателя является только тогда действительной мерой, когда оно появляется как тень в обычно солнечной атмосфере родного дома. Раз упустили момент заложить прочный фундамент для послушания в то время, когда ребенок был мал и его шалости или другие привычки казались родителям такими «восхитительными», то, конечно, эти родители найдут непригодным и метод Спенсера и тогда, когда ребенок становится старше и его упорство делается уже «неприятным».

С ребенком, совсем маленьким, не следует разговаривать, нужно последовательно и быстро действовать. Стремление воспитателя должно, по указанию Руссо и Спенсера, быть направлено к тому, чтобы все опыты соединить в одну последовательную и связную

цельность впечатлений, посредством которых известные привычки в последствии входят в плоть и кровь ребенка.

Не следует, например, позволять маленьким детям постоянно кричать. Когда убеждаются, что крик этот не вызван болью или неприятными ощущениями иного рода, против которых у ребенка единственное орудие защиты – крик, то, обыкновенно, чтобы заставить ребенка замолчать, прибегают к шлепкам. Но подобный маневр не побеждает злой воли ребенка и не вызывает в душе его иного понятия, кроме вывода, что большие бьют маленьких, когда те кричат, а это далеко не этическое понятие. Если же раскричавшегося ребенка немедленно изолировать, объяснив ему, что доставляющий неприятности окружающим не имеет права оставаться среди них, когда это изолирование будет применяться последовательно и безжалостно всякий раз, когда ребенок кричит, то этим будет заложен прочный фундамент основанному на опыте ребенка понятию, что тот, кто доставляет неприятность другим, должен оставаться в одиночестве. В обоих случаях (побои или изолирование) неприятное чувство заставит ребенка замолчать. Но в первом случае неприятное есть действие, насилующее его волю, во втором неприятное вызывает постепенное самоопределение воли под влиянием действительно хорошего мотива. Первое растет в ребенке низменное чувство страха, второе регулирует волю таким способом, который преподает ребенку известное правило путем жизненного опыта. Первое наказание низводит ребенка на степень животного, второе запечатлевает в нем главный закон человеческой общественной жизни, а именно: когда наши удовольствия причиняют неудовольствия другим, то эти другие препятствуют нам предаваться этим удовольствиям или же просто устраняются от этих проявлений нашей «злой воли».

Маленькие дети, например, должны привыкнуть вести себя хорошо за столом, да и в других случаях. И если каждый раз, когда повторится какая-нибудь проказа или неприличная выходка, ребенка тотчас же выведут из-за стола и оставят одного, потому что тот, кто причиняет неприятность другим, должен оставаться в одиночестве, то, таким образом, на правильном основании будет преподан правильный образ поведения. Маленькие дети должны научиться не трогать и оставлять в покое вещи других людей. Если каждый раз, когда ребенок возьмет без позволения какую-нибудь чужую вещь, его лишат тем или другим способом свободы движения, то он весьма скоро поймет, что первое условие свободы движения – это не причинять вреда другим.

Вообще, как заметила совершенно верно одна молодая мать, самыми идеальными комнатами для того, чтобы в них воспитывать детей, следует признать пустые, светлые японские комнаты, тогда как наши современные, переполненные всякой всячиной,

совершенно непригодны для детей. Именно в те годы, когда воспитание должно быть ведено наглядно, практическим путем, т. е. когда ребенок должен сам до всего дотронуться, попробовать, покусать и пощупать, он слышит каждую минуту окрик: «Оставь! Не трогай!» Для детского темперамента, как и для развития его сил, важнее и лучше всего, если он будет расти в большой, выкрашенной в светлый веселый тон, украшенной литографиями, гравюрами и тому подобным комнате с совершенно простой и только самой необходимой мебелью, где бы ему была предоставлена полная свобода движений. Но если ребенок, находясь в комнате родителей, начинает капризничать, то немедленное удаление из комнаты самый верный способ научить ребенка относиться с уважением к миру взрослых, миру, в котором он несомненно должен сам себе создать место, но вместе с тем должен научиться, что каждое место, которое он занимает, имеет свои границы.

Если дело идет о какой-нибудь опасности, от которой хотят оградить ребенка внушением ему некоторого страха перед ней, то следует предоставить самой вещи действовать устрашающим или неприятным образом на ребенка. Так, если мать, например, бьет ребенка за то, что он трогает горящую свечу, нет сомнения, что в отсутствие матери он непременно опять будет трогать ее; если же ему предоставить раз обжечься о свечу, то можно быть уверенным, что он ее оставит навсегда в покое. Мальчики в старшем возрасте, злоупотребляющие ножами, ружьями и тому подобными предметами, должны быть наказаны лишением этих предметов. Большинство мальчиков охотнее согласились бы перенести порядочные побои, чем лишиться любимого предмета, однако только лишение будет действительным воспитательным опытом, опытом непоколебимости хода жизни, а это такой опыт, который следует непременно и глубоко запечатлеть в душе ребенка. От родителей, которые начали воспитывать детей «по Спенсеру», а затем перешли к побоям, можно часто услышать, например, следующее: пока ребенок еще настолько мал, что не может испортить разорванную им самим одежду, его следует наказывать иным способом и т. д. Но в этом нежном возрасте за подобные вещи совсем не следует наказывать, а просто следует давать ребенку прочную и простую одежду, в которой он мог бы свободно двигаться и играть. Позднее, когда он действительно может обращать внимание и заботиться о своей одежде, естественным наказанием будет такое: он должен оставаться дома, если его одежда, по его собственному невниманию и небрежности, испачкана или разорвана; он должен сам помогать привести ее в порядок и, наконец, его следует заставить купить на собственные, им же заработанные, деньги испорченные благодаря его небрежности предметы. Если ребенок невнимателен, то он должен быть оставлен дома, когда другие идут на про-

гулку или в гости. Он должен есть в одиночестве, если опаздывает к совместной еде. Одним словом, существует множество самых простых способов для того, чтобы все важнейшие привычки общественной жизни превратились во вторую природу, внедрили в плоть и кровь ребенка. Однако метод Спенсера не всегда может быть применен: естественные последствия поступков могут быть иногда опасными для здоровья ребенка, а в известных случаях слишком медленно действовать. В тех случаях, когда вмешательство признается необходимым, нужно действовать всегда последовательно, быстро, неизменно и энергично. Почему ребенок очень быстро постигает, что огонь жжется? Потому что огонь всегда и непременно жжется. Но мама, которая раз побьет, другой раз пригрозит, третий – подкупит, раз – плачет, другой – смеется, третий – не позволяет и вслед за тем запрещает, которая не исполняет своих угроз, не принуждает к послушанию, а только бесконечно говорит об этом и бранит, которая, одним словом, как говорят дети: «разделает так, а другой так, а иногда и совсем иначе», подобная мама не имеет такого сильнодействующего воспитательного метода, как огонь!

Если прежнему строгому воспитанию, выполнявшему только черную работу в этом деле, удавалось придать характеру стильную, так сказать, форму или построй, то лишь потому, что в этом воспитании были единогласие и последовательность. Да, оно было последовательно строгим, не так, как в наше время, когда воспитание – не что иное, как не имеющее никаких основ колебание и шатание между всевозможными видами педагогических методов и психологических настроений, причем ребенок, точно мяч в руках взрослых, перебрасывается то туда, то сюда, его то возвеличивают, то издеваются над ним, раз отталкивают, другой привлекают, то целуют до полусмерти, то командуют! Взрослый человек сошел бы с ума, если бы какой-нибудь шутник титан вздумал в течение одного только дня так обращаться с ним, как он целые годы обращался со своим ребенком. Ребенком никогда не следует командовать, а всегда говорить с ним так же вежливо, как со взрослым, для того чтобы и его самого научить вежливости. Ребенка никогда не следует выставлять напоказ, возвеличивать, не следует принуждать к ласкам, ни осыпать его поцелуями, которые обыкновенно только мучают ребенка и часто кладут начало половой гиперестезии. Следует отвечать на выражения нежности ребенка, если они искренни, но свои собственные выражения нежности сохранять для важных, выдающихся моментов, – вот одно из тонких, но совершенно оставленных без внимания воспитательных средств. Не следует также принуждать ребенка выказывать раскаяние, просить прощения и так далее, потому что это – верное средство воспитать из него лицемера. Один маленький мальчик выругал как-то раз

старшего брата; его посадили на стул, дабы он «раскаялся» в своем поступке. Спустя некоторое время, когда мать спросила, раскаивается ли он, мальчик с большим выражением ответил: «Да». Но так как мать заметила в его глазах какой-то особенный блеск, не предвещавший ничего доброго, то она сочла своей обязанностью спросить, в чем именно он раскаивается. «В том, что я не назвал его еще и негодяем!» – ответил без запинки ребенок. Мать оказалась настолько умной, что на этот раз оставила ребенка в покое, да и в последствии не прибегала к вызову «раскаяния».

Насколько важно и ценно добровольное и самопроизвольное раскаяние и глубоко прочувствованная просьба о прощении, настолько ничтожно и даже вредно душевное движение, вызванное бестактной настойчивостью взрослого. «Разве тебе не жаль?» – вопрос, с которым почти постоянно обращаются к ребенку. «Разве тебе не жаль, что твой брат умер, твоя мать больна, отец уехал?» и т. д. в этом роде. Это те вопросы, в ответе на которые, по мнению взрослых, должно ожидать от ребенка выражения чувств. А между тем выражать или не выражать какое-либо чувство – это право ребенка, и точно также, как у взрослых, у него могут быть свои симпатии и антипатии. Взрослые своим невниманием или неуважением к чувствам ребенка почти постоянно оскорбляют его чуткий вкус и беспрестанно вызывают его, легковозбуждаемое, отвращение. Но муки ребенка, причиняемые ему не деликатностью взрослых, принадлежат к области еще не вполне исследованной детской психологии. Подобно тому, как лучшим воспитательным приемом считается тот, который заставляет ребенка в том случае, когда он неправильно поступил по отношению к другим, подумать, приятно ли было бы, если бы кто-нибудь поступил так с ним, так же точно нет лучшей проверки и для воспитателя, как привычка и в важных вопросах, и в мелочах задавать самому себе вопрос: «Согласился ли бы я, чтобы со мной обращались так, как я только что обращался с моим ребенком?» И если воспитатель примет еще во внимание, что ребенок в большинстве случаев страдает вдвое сильнее взрослого, тогда, быть может, в нем пробудится деликатность и такт в отношении к ребенку, без чего жизнь ребенка одно непрерывное мучение.

О подарках можно сказать тоже, что и о выражениях чувств. Щедрость следует вызывать только примером, при этом ребенок никогда не должен получать того, что он потом раздает; в его даре всегда должна заключаться частица его работы или известная жертва с его стороны.

Чтобы ребенок мог познать удовольствие, сопровождающее акт дарения, и таким образом мог доставлять себе самому маленькие наслаждения, а также для того, чтобы он был в состоянии заменять испорченные им предметы, его следует в самых ранних годах при-

учать серьезно исполнять некоторые домашние работы за небольшую плату. Однако ни в каком случае не следует вознаграждать ребенка за оказанные услуги, – будут ли это услуги, которые он сам вызвался исполнить, или такие, которые его просили сделать другие: чувство великодушия развивает не вознагражденная услужливость. Когда ребенок что-нибудь подарит, не следует принимать его подарок только для вида, а затем отдавать его обратно; поступая таким образом, легко можно привить ему неправильное представление о возможности даром наслаждаться душевным благородством. Позволять ребенку на каждом шагу переживать действительные жизненные опыты и никогда не обрывать шипов с роз, которые растут на его жизненном пути, – вот правило, которое еще мало известно и малопонятно воспитателям. Вследствие непонимания воспитателями этого правила и происходит неудача в применении «разумного» метода воспитания. Он оказывается непригодным, и, в конце концов, все считают себя вынужденными прибегать к мерам репрессивным, ничего общего с жизненной деятельностью не имеющим – таковы особенно побои – мера, которую продолжают признавать не пыткой, как бы следовало, а воспитательным средством.

Многие представители современной интеллигенции защищают телесное наказание на том основании, что оно часто является более мягкой карой, чем кара, служащая естественным последствием проступка, и что побои, например, действуют напоминающим образом и вызывают ассоциацию идей, которая запоминается на очень долгое время. Спрашивается, какая же это ассоциация? На основе физической боли и стыда! Из других областей общественной жизни подобного рода меры исправления последовательно, шаг за шагом, вытеснены. А ведь идея упразднения пытки и телесных наказаний должна была долго бороться против убеждения в их необходимости как воспитательного средства. Ребенок, отвечает вам, только зверек, и воспитывать его следует подобно животному. Те, которые так отвечают, также мало знают детей, как и животных, прекрасно поддающихся воспитанию и без побоев. Правда, это могут делать только люди, сами ставшие действительно людьми. Многие преподносят вам глубокомысленные доктрины, вроде, например, такой: страх и боль – первые воспитатели человечества; развитие ребенка должно идти тем же путем. Утверждение комическое! Исходя из этой точки, следовало бы, при желании, разить в детях религиозное чувство, заставить их сперва поклоняться идолам!.. Если бы действительно проводить ребенка последовательно через все низшие стадии развития человечества, то фактически его низвергли бы с той высоты физического и психического развития, которой он достигает благодаря унаследованию свойств своего рода. Пытка и телесные наказания отменены для взрослых,

но все еще продолжают применяться к детям, потому что люди еще не уяснили себе, что и душевная жизнь детей в отношении сложности и чуткости восприятия страдания прогрессирует также, как и душевная жизнь взрослых. Многочисленные самоубийства детей в течение последних десятилетий совершены большею частью под влиянием страха телесных наказаний или же непосредственно после таких наказаний, потому что душа под влиянием этих наказаний страдает в такой же сильной степени, как и тело. А в тех случаях, когда этого нет, побои еще опаснее, они только способствуют притуплению чувства стыда и усиливают грубость и трусость наказуемого. В одной школе мне пришлось слышать рассказ о ребенке, во всех отношениях до того отталкивающим, что, по единогласному мнению учителей, «изрядная порка» могла бы быть ему весьма полезной. Впоследствии узнали, что отталкивающее существо, каким теперь ребенок был, создано побоями отца. Если собрать статистические данные о «блудных сынах», между ними, наверное, окажется больше битых детей, чем избалованных.

Постепенно общество перестало карать по принципу «возмездия»; оно убедилось, что подобная кара не только не пробуждает раскаяния и не действует устрашающим образом, а напротив, это воздаяние по правилу – «око за око» – смешивает все понятия о правах и законах, притупляет все чувства и подстрекает к таким насилиям над другими, какие приходится выносить самому. К психологическим процессам, происходящим в ребенке, применяются почему-то совершенно иные законы. Когда мальчуган бьет маленькую сестренку, мать бьет его – и воображает, что он сознает разницу между побоями, которые он получил, и теми, которые сам нанес, что он сочтет одни побои – справедливой карой, а другие – скверным поступком, за который следует карать! Но ребенок очень логичен; он чувствует, что, в сущности, здесь нет никакой разницы, хотя мать и называет это различными именами. У одного ученика есть по поводу телесного наказания очень удачное сравнение: он сравнивает воспитателя, прибегающего к таким средствам, с музыкантом, который начнет обрабатывать кулаками свой расстроенный инструмент, вместо того чтобы начать его настраивать при помощи слуха и пальцев.

На все бесчисленные и тонкие процессы в душевной жизни ребенка, на все его неясные, сложные и тесно связанные между собою ощущения, на его трепещущие, чуткие чувства эти грубые меры действуют угнетающе, унижающе и разрушительно и поэтому не имеют никакой духовно-воспитательной силы.

Желая действительно воспитывать, следует, прежде всего, по достижении ребенком трехлетнего возраста совершенно вычеркнуть побои из списка воспитательных мер. Лучше всего, если родители еще до рождения ребенка порешат между собой никогда и ни

в каком случае не прибегать к побоям. В противном случае часто бывает так, что родители, порешив прибегать к этому удобному средству лишь до известного возраста, продолжают пользоваться ими дальше, просто потому, что, имея под руками удобный метод, они забыли развить свои собственные понятия и свой ум.

У меня нет и тени желания говорить о воспитании с человеком, который неспособен понять сказанное мною о побоях, как не может быть желания говорить с каннибалом о всеобщем мире.

Но так как эти люди, дикари в вопросах воспитания, в других областях часто бывают культурными людьми, то мне хочется попросить их вспомнить, например, о постепенном развитии форм брака, хотя бы с того момента, когда мужчина с дубиной в руках добывал себе жену и когда на женщину смотрели, как на не имеющую души собственность мужа, которую следовало держать в повиновении побоями, – понятие, сохранившееся и до позднейшего времени. Тысяча самых разнообразных ежедневных таинственных влияний так изменили чувства и представления, что эти грубые понятия исчезли ко благу и для большей пользы развития общественной жизни индивидов. Неужели в подобных педагогах-дикарях нельзя пробудить сознания, что явятся тысячи новых, таинственных и могучих влияний, – и они заставят отбросить все грубые приемы воспитания, родительские чувства, власть и обязанности пройдут через метаморфозы, подобные браку, и достигнут полного и совершенного развития? Неужели нельзя пробудить сознание в подобных дикарях педагогики? Неужели, чтобы заставить изменить и отбросить все грубые воспитательные средства, необходимы тысячи новых таинственных влияний? Неужели и родительские чувства, и обязанности, как и брак, должны пройти через долгую метаморфозу, и только тогда родительские чувства достигнут полного и совершенного развития?!

Когда человек сознает, что бить ребенка – продукт той же низкой стадии культурного развития, как и бить жену, домашних, как телесное наказание солдат и преступников, тогда будет, так сказать, снят первый грубый слой с того материала, из которого, быть может, впоследствии образуется воспитатель.

Если в эпоху господства грубых нравов прибегали к телесным наказаниям в целях возмездия, то это было тогда естественным явлением. Более всего «осязаемо» у человека его тело, и воздействие на него ведет к осязательным последствиям. Расточая побои, охлаждают пыл страстей, да кроме того на известной ступени развития эти побои являются естественным выражением нравственного негодования, непосредственным способом, дающим возможность нравственно сильному наложить свой отпечаток на существо, стоящее ниже его. С тех пор, как стала известна возможность действовать на душу духовными средствами, побои

признаны унижающими достоинство как того, кто наносит их, так и того, кому они наносятся.

Воспитатель часто забывает, что у ребенка во многих случаях также мало нравственных понятий, как у животного или дикаря. Наказывать за это ребенка – жестокость, а наказывать какими-нибудь грубыми мерами – кроме того, еще и величайшая глупость, потому что такие действия идут только в разрез с желаниями и стремлениями поднять ребенка над уровнем животного или дикаря. Только те воспитатели, в мозг которых ни разу не закрадывалась мысль видеть в побоях средство, к которому следует прибегать, направляют все свои помыслы и чувства, чтобы найти действительные психологические воспитательные средства. Применение побоев деморализует и притупляет воспитателя, потому что этот метод усиливает его недомыслие и необдуманность, а не его терпение, развивает его грубость, и не его ум.

Одного маленького четырехлетнего мальчика, которого я с радостью причисляю к своим друзьям, наказали в первый и, к счастью, в последний раз. Когда его няня напомнила ему вечером, чтобы он перед сном помолился, он ответил: «Да, сегодня мне действительно нужно кой о чем попросить Бога». И затем он с серьезным видом произнес следующую молитву: «Милый Боже, прошу Тебя, оторви маме руки, чтобы она не могла меня больше бить!».

Ничто не могло бы так способствовать развитию дела воспитания, как осуществление этой просьбы, т. е. если бы действительно у всех педагогов, приверженцев системы битья, оторвали руки, тогда они научились бы воспитывать головой. Что касается положения общественного воспитателя, т.е. учителя, то ничто не могло бы так поднять его звание и положения, как запрещение закона, под угрозой немедленного отстранения от должности, применять во всех школах какие бы то ни было телесные наказания.